

УДК 316.7

DOI 10.18522/2227-8656.2021.1.15

**АРХЕТИПИЧЕСКАЯ ОСНОВА
КАК ИСТОЧНИК
УСПЕШНОСТИ
РОССИЙСКОГО
ПОЛИТИЧЕСКОГО МИФА**

Шевченко Ольга Михайловна

Доктор философских наук, профессор,
кафедра конфликтологии
и национальной безопасности,
Институт социологии и регионоведения,
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: olgashv2007@yandex.ru

Штофер Людмила Львовна

Кандидат философских наук, доцент,
Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ),
г. Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: Filosofiya327@yandex.ru

Статья посвящена анализу условий устойчивости политического мифа, связанного с персонифицированным носителем высшей власти. Авторы обращаются к исследованию архетипических основ российского политического мифа, которые определяют его социокультурные особенности, обеспечивают устойчивость и воспроизводство в современных условиях.

Ключевые слова: политический миф; архетипы; политические технологии; патернализм; идеократия; политический лидер; персонификация власти.

**ARCHETYPAL BASIS
AS THE SOURCE
OF THE RUSSIAN
POLITICAL MYTH'S
SUCCESS**

Olga M. Shevchenko

Doctor of Philosophical Sciences,
Professor, Department of
Conflictology and National Security,
Institute of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia,
e-mail: olgashv2007@yandex.ru

Lyudmila L. Shtofer

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor, Rostov State University
of Economics,
Rostov-on-Don, Russia,
e-mail: Filosofiya327@yandex.ru

The article is devoted to the analysis of the stability conditions for the political myth associated with the personified bearer of supreme power. The authors turn to the study of the archetypal foundations of the Russian political myth, which determine its socio-cultural characteristics, ensure stability and reproduction in modern conditions.

Keywords: political myth; archetypes; political technologies; paternalism; ideocracy; political leader; personification of power.

Введение

Политический миф является духовно-смысловым ядром политических технологий, творится политической элитой и теми институтами, которые с ней связаны. Степень успешности их проекта можно оценить по следующим критериям: продолжительность существования и циркулирования мифа, его укорененность и воспроизводство в общественном сознании; способность мифа при неблагоприятных условиях находиться в латентном состоянии и возрождаться при изменении общественно-политической ситуации; степень универсальности, связанная с распространением политического мифа за пределы создавшей его общности.

Среди наиболее успешных политических мифов можно выделить три: 1. Порожденные западной цивилизацией, содержательно связанные мифы о либерально-демократическом типе общественно-политического устройства как отвечающем базовым человеческим потребностям в глобальном масштабе и западной демократии как признанном лидере мирового политического процесса. 2. Порожденный Востоком, китайский миф о возможности органичного соединения политического традиционализма и модернизации экономики как источника возрождения величия государства. 3. Российский политический миф, связанный с персонифицированным носителем верховной власти – миф о Сталине (Белов, 2017).

Архетипические сюжеты российского политического мифа

Ментальность народа, сложившаяся под влиянием развития патерналистского характера отношений между народом и властью и определяющей ролью государства в жизни социума, сформировала образ государства как Отечества и персонифицированного носителя власти как отца. Сам образ отца в сознании народа носил патриархальный характер и в содержательном отношении был дуален: сопряжен как с карающей силой, так и с мудростью, заботой, наставничеством.

Данный политический миф архетипичен для отечественной политической традиции. Его истоки прослеживаются в интерпретации общественным сознанием образа монарха (в зависимости от половой принадлежности как батюшки/матушки). После революции этот образ, невзирая на утрату значимой составляющей (статус помазанника Божьего), сохранил тем не менее свою сакральность, сущностью которой выступало независимое от формы политической власти отеческое начало. Общим было то, что верховный носитель власти отождествляется с абстрактной идеей заботы о благе других, приоритетом общественного блага над личными желаниями и стремлениями, соотносится в традиционалистском типе общественного сознания с представлениями об отце.

В силу исторически сложившейся полиэтничности и в условиях несформированности гражданской нации, когда различия населения преобладают над сходством, образ отца в политическом мифе приобретает специфические коннотации, прежде всего надэтнический характер: в дореволюционный период царь – отец всех своих подданных, проживающих на территории имперского образования, в советский – отец народов, объединяющий все этнические общности, входящие в состав союзного государства.

Подобный политический миф силен тем, что в нем высшая власть в лице персонифицированного носителя утрачивает безлично-бюрократические черты, симулируя кровнородственные отношения: семейная модель экстраполируется на политический институт.

Поскольку в политическом мифе опосредованно присутствует историческое время, становится возможным связать настоящее с прошлым, вычленив в нем сущностные моменты. Последние понятны народу и связаны с характером власти и методами решения значимых для государства вопросов. Одно из первых мест объективно занимает проблема выживания государства, аккумулированная в мифологеме «Россия в окружении враждебного мира». Если её причины изначально обусловлены давлением культурно чуждых цивилизаций Запада и Востока, то политические следствия многолики и разнонаправлены, прежде всего стремление к расширению внешнего влияния и кровопролитная внутриполитическая борьба. В связи с этим для России характерен симбиоз деспотизма (различной степени просвещенности) и реформаторской деятельности, направленной на усиление могущества государства. Последнее понимается как концентрация власти в одних руках, а начиная с Нового времени – как сочетание самодержавия и технико-технологического прогресса. Неслучайно в политическом мифе о Сталине присутствуют параллели с соответствующими историческими персоналиями – Иваном Грозным и Петром I. В контексте основного содержания реформ – централизации власти и модернизации – государственное насилие интерпретируется как необходимая мера, призванная сломить сопротивление оппозиционных сил, стоящих на пути преобразований, позиционируемых как прогрессивные.

Связь с ближайшим историческим прошлым (революционная эпоха) позволяет легитимировать власть Сталина в глазах народа: первоначально через взаимосвязь с мифологизированным образом Ленина (Ленин – вождь мирового пролетариата, Сталин – его верный ученик, сподвижник и политический преемник), впоследствии – как продолжателя дела теоретиков коммунистических идей К. Маркса и Ф. Энгельса, как революционера-практика, действующего в новой исторической реально-

сти – в стране победившего социализма. На первый план выходит преемственность духовной идеи в её развитии, постановке и решении практических задач по модернизации материальной и духовной основ жизни советского общества, а в перспективе – в планетарном масштабе (Асман, 2004).

Таким образом, в политическом мифе демонстрируются, во-первых, преемственность средств и методов решения политических вопросов; во-вторых, духовная преемственность, в основе которой личная и опосредованная связь с уже мифологизированными историческими личностями.

Интегративные возможности архетипического политического мифа

Степень «талантливости» политического мифа определяется его интегративными возможностями, способностью объединять различные социальные группы, дифференцированные по таким критериям, как уровень интеллектуального и духовного развития, имущественный ценз, властные полномочия. Удачный политический миф цементирует отношения власти и народа, находит выражение в единстве их смысложизненных ориентаций. Подобные политические мифы особенно востребованы там, где власть и народ исторически находились в антагонистических отношениях: власть чинила произвол, а народ воплощал в себе пассивное, страдающее начало.

Сталинская эпоха дала пример последовательной работы над гомогенностью советского общества. Постепенно была ликвидирована имущественная дифференциация, наиболее болезненно воспринимаемая общественным сознанием. Стремление к реальному равенству, воплощенному в коммунистической идее, было архетипично и в содержательном отношении гораздо ближе к представлениям народа о справедливости и счастливой жизни, чем христианская идея равенства всех перед Богом. Установленная в условиях информационного вакуума посредством массивной пропаганды и карательно-репрессивных мер идеократия сделала единомыслие (не только мнимое, но и реальное) нормой, а инакомыслие – исключением. Имущественное и духовное выравнивание предельно сократило дистанцию между низами и элитой, превратив первых в строителей материальной, а вторых – духовной базы коммунизма. Наконец, посредством пропаганды была создана иллюзия единства власти и народа. И это не дореволюционная симфония разносущностных элементов общественно-политической структуры, а тождество: власть и есть народ, а её главный персонифицированный носитель – живое воплощение народных чаяний и надежд.

XX в. в России дал пример двух политических мифов, связанных с персонифицированными носителями высшей власти, – миф о В.И. Ленине как вожде мирового пролетариата и миф о И.В. Сталине как отце народов (Московичи, 2011). Более живучим оказался миф о Сталине. Среди причин можно назвать умозрительный характер мифа о Ленине, так как само понятие «мировой пролетариат» для сознания национальной общности было излишне абстрактным, а маркер, связанный с классовой дифференциацией, делал социальную базу приверженцев данного политического мифа более узкой.

Политический миф о Ленине как вожде мирового пролетариата обладал потенциалом воздействия на сознание людей короткое время, когда на волне социалистической революции и Гражданской войны в России возникает идея мировой революции. Когда же эта идея объективно уходит на периферию политической жизни, а на первый план выступают задачи государственного строительства и развития страны, в политической мифологии фигура Ленина начинает позиционироваться как этап развития марксистских идей, имеющих продолжателя в лице Сталина.

В дальнейшем революцию в сознании людей затмила Великая Отечественная война, ставшая поистине всенародным подвигом. Революция разъединила людей, а война, напротив, объединила. В результате миф о Сталине как отце народов оказался дополнен мифом о нем как великом полководце. В отеческий миф был интегрирован архетипический образ героя, сразившегося со злом и ставшего персонификацией идеи победы как общенационального свершения (Шульга, 2006).

В мифе о Сталине актуализировались патриархальные представления об отце как «сильной руке» и «гаранте справедливости». Безграничность отцовской власти, его право карать и миловать не противоречили представлению об отце как страже справедливости и её восстановителе в случае нарушения. Данный парадокс объясняется тем, что в сознании общности персонифицированный носитель высшей власти – это не вершина обезличенной бюрократической государственной системы, выражение её сущности, а противостоящая ей самостоятельная могущественная сила, воплощающая высшую правду, которую с народом связывают не формально-правовые, а личные, эмоционально окрашенные отношения (Шевченко, 2020).

Роль эмоциональной составляющей в политическом мифе о Сталине была чрезвычайно велика, поэтому принудительный отказ от мифа оказался болезненным для общественного сознания. Неслучайно миф сохраняет жизнеспособность (продолжает циркулировать в общественном сознании) и обладает универсальностью (не связан с этнической

принадлежностью носителей, не зависит от политической системы и официальной идеологии). Что касается попытки искусственного воскрешения мифа о Ленине, предпринятой политической властью страны в 70-е гг. XX в., то без эмоционального переживания общественным и индивидуальным сознанием он превратился в официально поддерживаемую идеологическую догму и прекратил существование вместе с гибелью Советского государства.

Презентация и устойчивость архетипических политических мифов

Способы презентации политических мифов, связанные с персонифицированными носителями политической власти, складываются еще в древности (Гусева, 1994). Впечатляют примеры монументальных образов правителей, наглядным выражением полноты и безграничности власти которых становится сверхчеловеческая мощь. В этот же период вырабатываются художественные приемы, позволяющие безошибочно считывать смысловой подтекст, визуализировать идею: акцентирование центрального положения главного действующего лица, выделение его фигуры размерами, иератическая неподвижность, наличие атрибутов и символов верховной власти.

В условиях формирования массового общества и массовой культуры возможности наглядно и убедительно подавать и транслировать политические мифы расширились за счет средств массовой информации (массовые печатные издания и радио), массовых форм искусства (плакаты и кинематограф), организации и проведения массовых мероприятий. Сталиниана была создана в результате консолидации усилий художников (мастера изобразительного и киноискусства), композиторов, писателей и поэтов, журналистов, режиссеров – постановщиков массовых зрелищ и интегрирования произведенного ими продукта в повседневную жизнь советского народа – от среды обитания до стереотипов общественного сознания.

Знаково-символическая форма презентации политических мифов позволяла отождествлять персонифицированных носителей высшей власти с политической идеей посредством демонстрации того или иного конкретного и одновременно обобщенного до уровня символа образа. Отказ от персонализации политической идеи привел к постепенному разрушению советского политического мифа, имеющего в сталинский период образно-эмоциональную природу, утрате в сознании общности тождественности между означающим и означаемым (Барт, 2000).

Политический миф, в основе которого лежит архетипическое начало, традиционно демонстрирует устойчивость к внешнему разрушительному воздействию. Поскольку миф существует во вневременной плоскости, он нечувствителен к директивным указаниям, носящим ситуативный характер.

Рациональная аргументация также неэффективна, поскольку сущностно политический миф ближе к религиозной вере, чем к научному знанию. Попыткам его дискредитации, подрыва основ препятствует то, что миф конструирует картину мира, способ восприятия и понимания реальности общностью. Последний обладает значительной инертностью, пуская глубокие корни в общественном сознании (Кара-Мурза, 2008).

Так, попытка принудительного разрушения мифа о Сталине в результате доклада Н. С. Хрущева на XX съезде партии имела ряд последствий. Во-первых, она породила смятение в умах и раскол советского общества, интерпретировалась частью социума как предательство светлых идеалов и обесценение значимости предшествующего этапа развития, потеря (на индивидуально-личностном уровне) смысложизненных ориентаций. Во-вторых, она оказала влияние на внешнеполитическую ситуацию, резко ухудшив отношения с Китаем, это едва не привело к полномасштабной войне между вчерашними единомышленниками. Причина – миф о политическом лидере как отце нации – значимая часть исторически сложившихся духовно-мировоззренческих установок китайской цивилизации, связанных с идеей преемственности и почитания деяний предков.

Вышесказанное позволяет утверждать, что для возникновения соответствующего типа политического мифа и успешности проекта было необходимо несколько условий:

1) исторически сложившийся тип отношений между государством и обществом, в основе которого безусловное доминирование государственной власти;

2) определенный тип ментальности народа, который порожден вышеназванным типом отношений между государством и обществом, а также культурно-цивилизационными особенностями, основой которых выступают патерналистский принцип любых социальных отношений (старшие – младшие) и слабовыраженное индивидуально-личностное начало (человек идентифицирует себя через принадлежность к той или иной общности);

3) идеократия и обеспечивающие её инструменты: пропаганда и карательно-репрессивный аппарат государства;

4) информационный вакуум и подконтрольность государству любых информационных каналов;

5) относительная гомогенность общества, незначительный удельный вес элиты, оппозиционная часть которой ничтожна и не способна оказывать существенное влияние на общественное сознание, а лояльно настроенная может быть привлечена властью на свою сторону посредством посулов или угроз;

б) наличие у мифологизируемого носителя власти определенных индивидуально-личностных качеств, прежде всего харизматичности;

7) безошибочность позиционирования и эффективность презентации персонифицированного носителя верховной власти с точки зрения архетипических установок.

Последнее было чрезвычайно важно: личность позиционировалась как исключительная по своим возможностям (физическим и интеллектуальным), её действия – пример последовательного служения идее, обладающей общенациональным масштабом и отвечающей государственным интересам; власть – не источник личного обогащения, а форма подвижнического служения государству и обществу; повседневные проявления отмечены бытовым аскетизмом; в частной жизни – следование укоренившимся семейным ценностям, а впоследствии реализация «монашеского» идеала. Таким образом, на новом этапе развития в мифологизированном образе персонифицированного носителя высшей власти был реализован близкий российскому обществу исторически сложившийся архетип подвижника и святого.

Попытки создания политических мифов, связанных с персонифицированными носителями высшей власти, после разоблачения культа личности Сталина в нашей стране официально не предпринимались.

В качестве причин можно назвать как объективные, так и субъективные факторы. К субъективным факторам, начиная с хрущевской оттепели, относится желание власти отмежеваться от злодеяний сталинской эпохи. Отсюда попытки отделить достижения партии и народа от личности Сталина в поздний советский период и достижения советского народа без упоминания роли партии уже в постсоветское время.

Объективные факторы гораздо разнообразнее. Во-первых, в ситуации крушения коммунистической идеологии и безрезультатных поисков национальной идеи в посткоммунистический период пока отсутствуют объединяющая политическая идея и личность, способная её персонифицировать. Во-вторых, отсутствие легитимности власти в её мифологизированном понимании (представление о правовой легитимности в условиях исторически сложившегося правового нигилизма для общественного сознания по-прежнему малоактуально). Когда нет божественной легитимности (русские цари и российские императоры), тогда должна присутствовать легитимность либо идеологическая (политический руководитель как носитель уже мифологизированной политической идеи, например коммунистической, её продолжатель и ревнитель), либо более универсальная – историческая (легкосчитываемая преемственность содержания деятельности персонифицированного носителя

высшей власти и используемых им методов), а в идеале – симбиоз идеологической и исторической легитимности.

В-третьих, ускорившаяся, начиная с позднего советского периода, и углубившаяся в постсоветский период имущественная дифференциация, препятствующая консолидации и ведущая к фрагментации социума. Сословный уклад и связанная с ним имущественная дифференциация в дореволюционный период мыслились как богоустановленные, а потому не подлежащие пересмотру. В советский период (сталинская эпоха) имущественная дифференциация была ликвидирована. В поздний советский период источником имущественной дифференциации выступила принадлежность к партийной номенклатуре, в постсоветскую эпоху – близость к структурам, осуществившим приватизацию общенародной собственности и её захват, на современном этапе – принадлежность к крайне узкому слою олигархии, аккумулирующему в своих руках большую часть национального богатства (Ачкасов, 2013).

В-четвертых, разрушение патриархальных, коллективистских и усиление индивидуалистических установок сознания. Их источник – либерализация общественной жизни, увеличение значимости её частных проявлений, не подконтрольных государству, а также ослабление социальных связей и соответствующих стереотипов поведения.

В-пятых, снижение в общественном сознании значимости мифологемы «Россия в окружении враждебного мира», источником которой исторически выступали конфессиональные и идеологические отличия (православная цивилизация в окружении религиозно чуждых общностей, Советское государство в окружении идеологических противников).

В условиях снижения влияния религии на общественное сознание и отсутствия консолидирующей российской социум светской политической идеи, а также экономической и информационной глобализации, распространения либерально-демократических идей и культурной унификации найти такой источник сложнее. Для мифов, связанных с персонифицированными носителями высшей власти, сохранение данной мифологемы чрезвычайно важно, поскольку носитель высшей власти выступает в качестве архетипического героя, который борется со злом, угрожающим общности в целом (Стрельник, 2014).

Заключение

Подводя итоги, можно прийти к некоторым выводам. Условиями, обеспечивающими жизнеспособность политического мифа, связанного с персонифицированным носителем высшей власти, выступают присутствие архетипического начала, отражающего неосознаваемые основы

бытия общности; связь с ментальностью народа; восприятие общностью социальной реальности через призму мифа, устойчивость мифа к разрушению под воздействием рациональных аргументов; выраженность в мифе эмоциональной составляющей, блокирующей возможность рационального осмысления его содержательной части; убедительность и точность знаково-символических форм, презентующих миф, однозначность их интерпретации общностью.

Литература

Referenes

Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.

Ачкасов В. А. Политика памяти как инструмент строительства постсоциалистических наций // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. XVI, № 4 (69). С. 106–123.

Барт Р. Мифологии. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2000. 312 с.

Белов С. И. Советский политический миф: причины гибели, содержательное и символическое наследие // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. № 65. С. 45–56.

Гусева С. А. Современный политический миф: игра по законам архаики. Режим доступа: <http://freud.by.ru>.

Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2008. 864 с.

Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М.: Академический проект, 2011. 396 с.

Стрельник О. Н. Мифологические корни политической идеологии // Вестник РУДН. Философия. 2014. № 4. С. 18–29.

Шевченко О. М., Штофер Л. Л. Политический миф: специфика конструирования социально-политической реальности // Вестник ЮРГТУ (НПИ). 2020. № 5. С. 275–283.

Шульга Н. В. Современная политическая мифология // Омский научный вестник. 2006. № 2 (35). С. 49–52.

Assman, Y.A. (2004). Cultural memory. Writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity. M.: Yazyki slavyanskoy kul'tury. (in Russian).

Achkasov, V. A. (2013). The politics of memory as a tool for building post-socialist nations. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*, XVI, 4 (69), 106-123. (in Russian).

Bart, R. (2000). Mythology. M.: Izdatel'stvo imeni Sabashnikovykh. (in Russian).

Belov, S. I. (2017). Soviet political myth: causes of death, meaningful and symbolic legacy. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*, 65, 45-56. (in Russian).

Guseva, S.A. Modern political myth: playing according to the laws of the archaic. Available at: <http://freud.by.ru>. (in Russian).

Kara-Murza, S. (2008). Manipulation of consciousness. M.: Eksmo. (in Russian).

Moskovichi, S. (2011). Age of crowds. Historical treatise on mass psychology. M.: Akademicheskii proyekt. (in Russian).

Strel'nik, O.N. (2014). Mythological roots of political ideology. *Vestnik RUDN. Filosofiya*, 4, 18-29. (in Russian).

Shevchenko, O.M., Shtofer, L.L. (2020). Political myth: specifics of constructing socio-political reality. *Vestnik YURGTU (NPI)*, 5, 275-283. (in Russian).

Shul'ga, N. V. (2006). Modern political mythology. *Omskiy nauchnyy vestnik*, 2 (35), 49-52. (in Russian).

Поступила в редакцию

25 ноября 2020 г.